

Атакулова М.А.

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

М.А. Atakulova

THE FUNCTIONAL-SEMANTICS SPHERE OF POSSESSIVE CASE

УДК: 809.43

В статье представлена одна из попыток компромиссного решения предмета и содержания категорий принадлежности.

The article represented the attempt of compromise decision between subjects and contents of Possessive case.

Категория принадлежности мыслится языковедами неоднозначно. В этом вопросе много спорного, неясного.

Одна из попыток компромиссного решения вопроса предложена З.К. Дербишевой в рамках теории функциональной грамматики.

З.К. Дербишева описывает разнородные языковые средства, выражающие принадлежность, под рубрикой «Функционально-семантическое поле посессивности».

Функционально-семантическое поле (ФСП) объединяет разнородные единицы языка – морфологические формы, словообразовательные средства, синтаксические конструкции, лексические средства, выполняющие тождественное или близкое функциональное назначение во взаимодействии с контекстом, языковой или речевой средой. Исходя из такого понимания ФСП, этот автор делит грамматику языка на четырнадцать таких полей – презенса, футурума, претерита, модальности, императива и т.д. ФСП представлено им как субординативное грамматическое явление. Поэтому в каждом поле этот грамматист различает два круга – ядро и периферию. Периферия разбивается им, в свою очередь, на два подкруга – на ближнюю периферию и на дальнюю периферию.

Исходным пунктом описания является ядро (или центр) ФСП. Трехступенчатое деление ФСП «ядро - ближняя периферия – дальняя периферия» осуществляется по направлениям «от сосредоточения и концентрации признаков к их разрежению», «от максимальной функциональной нагрузки к ее уменьшению», «от большей специализации средств для выражения функции к ослаблению специализации», «от концентрации связей и отношений функциональных единиц языка к их рассредоточению», «от регулярных и частотных единиц к менее употребительным» и т.д.

Как правило, роль ядра в грамматике играет морфологическая категория.

Посессивность, будучи «одной из универсальных понятийных категорий языка», определяет название объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету. «Категория

посессивности выражается тем или иным способом во всех языках мира и способы ее выражения довольно разнообразны».

Посессивная функция в киргизском языке последовательно представлена на всех уровнях языковой системы.

Ядро поля – парадигма категории принадлежности. Основа обозначает предмет обладания, лично-посессивная аффиксальная парадигма выражает лицо обладателя.

Ядро ФСП посессивности, конечно, неоднородно. Собственно ядро образуют формы 1 и 2 л. посессивной парадигмы, которые выражают семантику принадлежности однозначно и исчерпывающе. Форма 3 л. характеризуется многозначностью. В 3 лице происходит сильное ослабление и рассредоточение значения принадлежности. Поэтому форму 3 л. «следует отнести к околоядерной зоне». Действительно, **аффиксы 1 и 2 л. в речевом акте непосредственно соотносятся с производителем и реципиентом речи, выражают принадлежность предмета адресанту или адресату речевых сообщений.**

Аффикс 3 л. в киргизском языке многозначен, что проявляется, во-первых, в том, что число обладателей в нем не ограничивается и, во-вторых, в том, что в качестве обладателей предмета могут выступать не только люди, но и животные, неодушевленные предметы. Ср., например:

- 1) *ат-ым* «моя лошадь»
ат-ыё «твоя лошадь»
ат-ыёыз «ваша лошадь»
собственно ядро
ат-ыбыз «наша лошадь»
ат-ыёар «ваша лошадь»
ат-ыёыздар «ваша лошадь»

2) *ат-ы* «его, ее, их лошадь» - околоядерная зона

Число предметов обладания выражается автономно:

- 1) *ат-тар-ым* «мои лошади»
ат-тар-ыё «твои лошади»
- 2) *ат-тар-ы* «его, ее, их лошади».

К околоядерной зоне, по-видимому, относятся изафетные конструкции, которые не только выражают принадлежность, но и указывают на отношение предмета к производителю, месту, времени, источнику и т.д., а также на отношение лиц в семье, коллективе,

обществе и т.д. Кроме того, в них раскрывается содержание разнообразных и, прежде всего, отвлеченных понятий, как, например, *идея* и *смысл*, *порядок* и *правило*, *возможность* и *необходимость*, *признак* и *способ*, *причина* и *следствие*, *свойство* и *признак*, *длительность* и *момент*, *мера* и *единство*, *часть* и *целое* и т.д.

- 1) *партия-нын лидер-и* «лидер партии»
стол-дун бут-у «ножка стола»
китеп-тин мазмун-у «содержание книги»
и т.д.
- 2) *Бишкек шаар-ы* «город Бишкек»
къл жээг-и «берег озера»
адам бала-сы «потомок Адама, человек» и др.

Ясно, что функциональная сфера форм 3 л. обширна и трудно описуема. Таким масштабом функций не обладают аффиксы 1 и 2 л., они продуктивны в разговорной речи. Аффикс 3 л. плотно представлен в научном, техническом, официально-деловом и публицистическом стилях речи. В этих сферах они не уступают собственно ядерным формам принадлежности.

Кроме того, имеется обширный круг существительных и других частей речи, которые функционируют только в форме 3 лица. Как известно, «существуют...имена, которые имеют неполную парадигму (*кабык* «кора, скорлупа», *ъзк* «сердцевина, стержень», *кит* «крупное морское млекопитающее, похожее на рыбу внешним видом» и др.), принимая аффиксы только 3-го лица».

К ближней периферии ФСП посессивности автор относит «сочетания притяжательных местоимений с различными именами. Притяжательные местоимения выступают в нескольких разновидностях»:

- а) *менин*, *сенин*, *анын*, *биздин*, *силердин*, *алардын*;
- б) *меники*, *сеники*, *аныкы*, *биздики*, *силердики*, *алардыкы*;
- в) *мендеги*, *сендеги*, *андагы*, *биздеги*, *силердеги*, *алардагы*.

Эти лично-местоименные словоформы в языковедческой литературе получили и другие названия.

В тюркологии существует на этот счет несколько точек зрения.

Ряд языковедов, как З.К. Дербишева, признают наличие в тюркских языках притяжательных местоимений. Например, Н.З. Гаджиева пишет, что притяжательные местоимения в тюркских языках двух типов: 1) типа тур. *benim* «мой», *bizim* «наш» и т.д.; 2) типа кум. *меники* «мой», *сеники* «твой». В свое время С.К.Громатович упрекал А.А. Азизова в том, что он не выделял в узбекском языке разряд притяжательных местоимений (50, с. 94). Он это писал, исходя из особенностей не узбекского, а

русского языка, в котором имеются притяжательные местоимения.

Преобладающее большинство тюркологов (М.Ш. Ширалиев, Б.О. Орузбаева, А.А. Азизов, А.Г. Кайдаров, Е.А. Поцелуевский, А.А. Юлдашев и др.) склоняются к выводу об отсутствии лично-притяжательных слов как особого разряда местоимений. Поэтому примеры первой группы (а) определяются ими как форма родительного падежа личных местоимений, примеры второй и третьей групп (б, в) разными исследователями рассматриваются по-разному.

Словоформы типа *меники*, *балдардыкы* и др. то относят к именам прилагательным (А.Н.Кононов, Б.Д. Уметалиева и др.), то – к существительным (К.Дыйканов, С. Кудайбергенов, С. Давлетов), то к местоимениям (Г.Бакинова, С. Низамиддинова, З.К. Дербишева и др.), то – к категории падежа (Т.Г. Тумашева, Н.И. Ирисов, К. Зулпукаров).

Словоформы типа *мендеги*, *йидъг* и др. тоже определяются неоднозначно. Их статус четко еще не определен. К падежу местному второму относят Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, А.Ахундов, Т.Г. Тумашева, Н.И. Ирисов, К.Зулпукаров.

Любопытно, что Х.Карасаев рассматривает форму на *-дагы...* вместе с традиционно выделяемым местным падежом на *-да...* И.А.Батманов характеризует употребление аффиксов *-дыкы...* и *-дагы...* в связи с традиционными родительным и местным падежами.

З.К.Дербишева сняла в целом существующие разнотолки в понимании морфологической природы названных аффиксов и объединила их вместе с другими морфолого-синтаксическими средствами под понятием ФСП посессивности. Но она сохранила термин «притяжательные местоимения», называя им трехморфемные лично-местоименные словоформы со значением принадлежности.

Разновидности «притяжательных местоимений» имеют общее – все они выражают значение принадлежности. Они отличаются друг от друга частной семантикой:

- 1) первая группа лично-местоименных словоформ используется в определительных словосочетаниях;
- 2) вторая группа употребляется в предикативных словосочетаниях;
- 3) третья встречается в обстоятельно-определительных словосочетаниях.

К дальней периферии ФСП посессивности относятся свободные словосочетания и различные типы предложений, в которых ключевую функцию выполняют лексические единицы *таандык*, *тиешел*, *ээ*, *бар* и др. Ср., например:

1. *Атама таандык йи* – Дом, принадлеж-лежащий (моему) отцу.

2. /йд\н ээси – атам. – Хозяин дома – (мой) отец.
3. Бул \й атама тийиит\л. – Этот дом принадлежит (моему)отцу.
4. Атамдын малы бар. – У отца есть скот.
5. Бала – атасынын колунда. – Ребенок под опекой отца и т.д.

Как видим, в сферу дальней периферии входят такие синтаксические единицы, которые не являются типичными, продуктивными. В них значение принадлежности ослаблено и выражено неявно.

Приведенный выше материал дает основание считать, что широкое понимание категории

принадлежности явилось базой для создания ФСП посессивности.

Литература:

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959. – 376 с.
2. Бюлер К. Теория языка. - М.: Наука, 2000. - 475 с.
3. Дербишева З.К. Функционально-семантическое поле персональности в русском и киргизском языках // Русский язык: единицы разных уровней и закономерности их функционирования. — Бишкек, 1991. — С. 91-98.
4. Дербишева З.К. Функциональная грамматика русского и кыргызского языков.- Бишкек, 2003.-56 с.

Рецензент: д.филол.н., профессор Трофимов М.И.